

КНИГА ЗА КНИГОЙ

СКАЗКИ БАБУШКИ КУПРИЯНИХИ

ДЕТГИЗ - 1957

Цена 80 коп.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

Папка 70 к. В библиотеке «Книга за книгой»
для детей младшего школьного возраста
в 1957 году издаются:

Пушкин А. — Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях

Тургенев И. — Голуби

Толстой Л. — Кавказский пленник

Григорovich Д. — Гуттаперчевый мальчик

Суриков З. — Загорелась над степью заря (стихи)

Дрожжин С. — В поле (стихи)

Горький М. — Детство Ильи

Куприн А. — Белый пудель

Сказки бабушки Куприянычи

Тайная примета. Русские народные сказки

Пришвин М. — Луговка

Федин К. — Мальчики

Григорьев С. — Красный бакен

Василenco И. — Зоя и Петя

Жданов Н. — Восьмое чудо

Воробьев Е. — Гром и молния

Семушкин Т. — Приключения Айзама

Крушинский С. — Ян и Яна

Жариков Л. — Последняя ночь

*Курбансахагов К. — Глупый шах (перевод
с туркменского)*

Лукс В. — Стихи (перевод с латышского)

Юнке А. — Пончо (перевод с испанского)

*Первая полочка. Рассказы современных французских
писателей*

Яблоня здоровья. Сказки разных народов

Эти книги можно приобрести в магазинах Книгоорга.

К Н И Г А З А К Н И Г О Й

СКАЗКИ БАБУШКИ КУПРИЯНИХИ

(А. К. Барышниковой)

Рисунки Е. Коротковой

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1957

Составление и литературная обработка
М. М. Сергеевко

СОДЕРЖАНИЕ

Бабушка Куприяниха. <i>М. Сергеевко</i>	3
Как братья счастье искали	6
Иван — мужицкий сын	15
Марья-царевна лягушонка	23
Иван-дурачок и Марья-королевна	32
Как барин собакой брехал	35
Глупая барыня	39
Как солдат из боронного зуба кулеш варил	42
Как мужик свинью в кумы звал	45

Для младшего школьного возраста

СКАЗКИ БАБУШКИ КУПРИЯНИХИ

Ответственный редактор Э. М. Лемперт. Художественный редактор О. В. Демидова.
Технический редактор А. С. Куприянов. Корректоры В. Л. Данилова и
Н. Д. Родионова.
Сдано в набор 18/III 1957 г. Подписано к печати 17/VII 1957 г. Формат 60×92¹/₁₆ —
3 печ. л. ≈ (2,3 уч.-изд. л.). Тираж 300 000 экз. Заказ № 2468. Цена 80 коп.
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сущевский вал, 49.

БАБУШКА КУПРИЯНИХА

Так звали в родной деревне Анну Куприяновну Барышникову — одну из лучших русских сказочниц.

Анна Куприяновна родилась в 1868 году в селе Чуриково, Землянского уезда, Воронежской губернии, в семье безземельного крестьянина Куприяна Левоновича Колотнева. Дед её, да и отец в молодости были крепостными. Семья жила в крайней бедности. Много унижительного и горького пришлось испытать Анне Куприяновне за свою долгую трудовую жизнь, пока Октябрьская революция не вывела её из беспросветной нищеты. Так уж повелось с детства: горе было своё, счастье — чужое. Приходилось ей и чужой скот пасти, и чужой хлеб убирать, и чужих детей нянчить, а для своих — с нищенской сумой ходить по дворам богатеев.

Но была у неё верная спутница и утешительница — сказка. От деда и отца перешла она к Анне Куприяновне.

Великое множество чудесных, полных занимательной выдумки сказок, таких непохожих одна на другую, создано народом. Но всегда в них было одно общее, что неизменно роднило их: сказка делала явью для обездоленных людей мечту о прекрасной, справедливой жизни. Простой трудящийся человек не хотел мириться с кривдой, злобой, беспорядком и нищетой, царившими вокруг него. Через сказку он утверждал свою веру в то, что есть и будет правда на земле. Он восстанавливал попорченную справедливость, наказывал злодеев, возвращал счастье тем, кто был его достоин.

В русской деревне не редкость было встретить семьи, где от родителей к детям передавалось замечательное искусство рассказывать сказки. Такой была и семья Колотневых. Отец Анны Куприяновны рассказывал сказки так мастерски, что нельзя было оторваться, уйти, не дослушав до конца. Знал он сказок без числа, и всё больше озорные, насмешливые — про помещиков и богатеев. Каждое острое словцо сказки, каждая прибаутка без промаха били в цель, вызывая дружный хохот слушателей.

Своё мастерство Куприян Леонович в полной мере передал и дочери. Смешно, остроумно и задорно звучала в исполнении Анны Куприяновны сатирическая сказка. Но не менее искусно рассказывала она и сказку волшебную, которая была ей особенно по душе.

Анна Куприяновна была неграмотной, но тонко чувствовала красоту родного языка и прекрасно владела им. Она умела в немногих словах создать целую картину, обрисовать наружность и характер человека, выразить глубокую, умную мысль. Говорила она складно, рифмуя слова, украшая сказку пословицами и поговорками.

По-разному назывались любимые герои Анны Куприяновны: то Иваном — мужицким сыном, то Иваном-меньшим, то Иванушкой-дурачком, то просто охотником, но всегда это был человек с доброй, отзывчивой, честной душой, любящий труд, верный своему слову. Он смело выступал на борьбу со злом и несправедливостью. Переживая чудесные приключения, он совершал героические подвиги. Сказочница окружала своего героя материнским теплом, будила к нему живое сочувствие слушателей.

У Анны Куприяновны было характерное лицо старой крестьянки, с отпечатком долгих лет тяжёлой трудовой жизни. Испытующе смотрели запавшие глаза, словно стараясь разглядеть, таков ли ты на самом деле, каким кажешься с виду.

Голос у неё был глуховатый и негромкий. Но когда она, увлекаясь сама, рассказывала сказку, каждое слово её звучало доходчиво и выразительно. В нём слышались и радость, и грусть, и тревога, и насмешка — все оттенки человеческих переживаний.

Больше всего любила Анна Куприяновна рассказывать сказки детям.

— Пушай только поближе сядут, так сказку сподручнее слушать, — обычно говорила она.

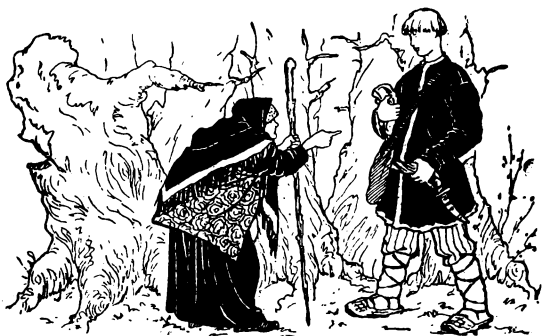
И, подождав, когда ребята тесным кружком расположатся вокруг неё, начинала рассказывать им сказку за сказкой — одну ярче и занимательнее другой.

Анне Куприяновне посчастливилось своими глазами увидеть, как сбылись чаяния народа. Порвав цепи рабства, трудящийся человек сам стал хозяином своей судьбы. Жизнь наша превзошла самые смелые мечты сказочных героев.

Умерла А. К. Барышникова в 1954 году.

Сказки, рассказанные бабушкой Куприянихой, продолжают жить и сейчас. Они воспитывают в человеке лучшие чувства, учат его любить всё истинно прекрасное.

М. Сергеевко

КАК БРАТЯ СЧАСТЬЕ ИСКАЛИ

В некотором царстве, в некотором государстве жили да были три брата-охотника.

Вот пошёл меньшой брат на охоту. Ходил-ходил — ничего не добыл.

Захотелось ему напиться. Пошёл к ручью. Глядь, сидит на дереве птица прекрасная — перья красные.

Отроду не видел охотник такой птицы. Подкрался к ней, думал схватить, да промахнулся. Улетела птица, только одно пёрышко в руках у него осталось.

Положил охотник перо в суму и побрёл домой.

Приходит и говорит:

— Братья! Видел я птицу прекрасную — перья красные. Хотел поймать, да упустил. Только одно пёрышко принёс.

Достаёт из сумы перо.

Ясным огнём перо горит, красным полымем отли-
вает. Будто солнышко избу осветило, всё обновило.

Глядят братья, один другого не узнают — такими красавцами стали.

Говорит меньшей брат:

— То не птица была, а наше счастье. Не буду я жив, если эту птицу не добуду.

Думали-думали братья и порешили всем идти чудесную птицу искать.

Пошли они разными дорогами. Старшой пошёл направо, средний — налево, а меньшей — прямо.

Долго ходил по белу свету старшой брат. Девять государств прошёл. Видел большие города, крутые горы, густые леса, синие моря. Дошёл до края земли, а птицы прекрасной — перья красные так и не увидел.

Вот очутился он в тёмном лесу. Деревья такие громадные, что неба не видать.

Встречает его старушка, старенькая, горбатенькая.

— Как ты попал сюда? — спрашивает. — Тут никогда человеческим духом не пахло.

— Бабушка, ищу я птицу прекрасную — перья красные.

— Ох, батюшка, трудно сыскать её, эту птицу! Сидит она в клетке за девятью горами, за девятью дверями, за девятью замками. А сторожат её лютые змеи: один змей — о трёх головах, другой — о шести головах, третий — о девяти головах.

— Бабушка, научи меня, как эту птицу добыть!

Говорит ему старушка:

— А иди ты, добрый человек, прямо, никуда не сворачивай, назад не оглядывайся. Будут тебя встречать-привечать — ты не гляди. Будут спрашивать — не отвечай. Будут давать — не бери. Увидишь столетний дуб, прицелься — попадёшь в сердцевину. Обломится дуб под корень — найдёшь под ним саблю. Возьми её — пригодится.

Поблагодарил старшой брат старушку и пошёл дорогой прямой, как она указала.

Навстречу красная девица:

— Здравствуй, молодец! Куда путь-дорогу держишь?

Не отвечает ей охотник.

Снимает девица с пальца кольцо, подаёт ему. Позабыл охотник совет старушки. Поглядел на девицу, и показалось ему, что нет краше её никого на свете. Взял кольцо, на палец надел, а девицу поцеловал.

Идёт дальше.

Стоит столетний дуб. Прицелился охотник в сердцевину, да не попал.

«Не беда, — думает. — У меня своя сабля остра, как-нибудь справлюсь».

Подходит к девяти горам. Летит змей о трёх головах. Шипит, свистит, из ноздрей дым пускает.

— Что будем делать? — спрашивает. — Драться или мириться?

— Не за тем шёл, чтобы мириться, а за тем, чтобы драться, — отвечает старшой брат.

Вынул саблю и начал ею махать. Только не может он змея одолеть: одну голову срубит — другая отрастает.

Долго рубился охотник со змеем. Да когда саблей махал, обронил с пальца кольцо. Совсем рядышком, у ног, кольцо лежит. Нагнулся охотник поднять — тут и погибель нашёл.

Много ходил по свету средний брат. Девять государств прошёл. Видел большие города, крутые горы, густые леса, синие моря. До края земли дошёл, а птицу прекрасную — перья красные нигде не видел.

Вот приходит он в тёмный лес.

Встречает его старушка, старенькая, горбатенькая:

— Как ты сюда, добрый человек, попал?

— Я, бабушка, птицу прекрасную — перья красные искал.

— Ох, батюшка, трудно эту птицу сыскать! Сидит она в клетке за девятью горами, за девятью дверями,

за девятыю замками. А сторожат эту птицу змеи лю-
тые: один змей — о трёх головах, другой — о шести
головах, третий — о девяти головах.

— Бабушка, научи меня, как эту птицу добыть!

— А ты иди, добрый человек, всё прямо, да не
оглядывайся. Будут тебя встречать-привечать — ты не
гляди. Будут спрашивать — не отвечай. Что дадут —
не бери. Увидишь столетний дуб, прицелься — попа-
дёшь в сердцевину. Обломится дуб под корень — бу-
дет под ним сабля. Возьми её — пригодится.

Поблагодарил охотник старушку и пошёл дорогой
прямой.

Слышит, окликает его кто-то.

— Здравствуй, добрый молодец! Куда путь-доро-
гу держишь?

Позабыл охотник совет старушки, оглянулся.
Стоит перед ним девица-краса — золотая коса. Сни-
мает с шеи бусы, подаёт ему. Бусы он взял, девицу
поцеловал.

Ладно. Пошёл дальше.

Стоит столетний дуб. Позабыл охотник, что ста-
рушка ему наказывала, отшибло у него память. Мимо
дуба прошёл.

Подходит к девяти горам. Летит змей о трёх голо-
вах. Шипит, свистит, из ноздрей дым пускает.

— Что будем делать? — спрашивает. — Драться
или мириться?

— Не за тем шёл, чтобы мириться, а за тем, что-
бы драться, — отвечает средний брат.

Вынул саблю, начал ею махать. Только не одолеть
ему змея: одну голову срубит — другая отрастает.

Махал-махал саблей — всё толку мало.

Глядит, а бусы у ног лежат. Нагнулся, хотел под-
нять, тут и погибель нашёл.

Долго-долго ходил по свету меньшей брат. Видел
большие города, крутые горы, густые леса, синие мо-
ря. Все государства исходил, до края земли дошёл, а
птицы прекрасной — перья красные не нашёл.

Очутился в тёмном лесу.

Видит, идёт старушка, старенькая, горбатенькая. Еле-еле ногами перебирает, палочкой постукивает:

— Как ты сюда попал?

— Бабушка, я ищу птицу прекрасную — перья красные. Весь свет обошёл, нигде не сыскал.

— О батюшка, трудно будет тебе эту птицу сыскать! Искали её уже два молодца. Найти не нашли, а сами погибли.

Отвечает меньшой брат:

— Научи меня, бабушка! Согласен я умереть, только бы птицу эту сыскать.

— Ладно, — говорит старушка, — научу. Сидит эта птица в клетке, за девятью горами, за девятью дверями, за девятью замками. Сторожат её лютые змеи: один змей — о трёх головах, другой — о шести головах, третий — о девяти головах. А иди ты всё прямо, никуда не сворачивай, назад не оглядывайся. Будут тебя встречать-привечать — ты не гляди. Будут спрашивать — не отвечай. Будут давать — не бери. Увидишь столетний дуб, прицелься — попадёшь в сердце-вину. Обломится дуб под самый корень — найдёшь под ним саблю. Бери её — пригодится.

Поблагодарил меньшой брат старуху, пошёл дорогой прямой, как она указала.

Встречает его девица-краса — золотая коса:

— Здравствуй, добрый молодец! Куда путь-дорогу держишь?

Не глядит на неё меньшой брат, не отвечает.

Снимает девица с себя шёлковый пояс, подаёт ему. Не берёт охотник.

Кинула девица пояс на землю — встал на пути охотника дубовый частокол. Заскрипела зубами — боронные зубья на частоколе выросли.

А охотник прямо идёт, будто того частокола и нет.

Как закричит тогда девица, как зашипит! Деревья стали пригибаться, цветочки осыпаться.

Девушка та змеям сестрой была. Обернулась она злым чудищем. Землю когтищами царапает, ямы на пути охотника роет.

Идёт охотник прямо, и ямы ему нипочём.

Злое чудище от досады издохло.

А охотник всё дальше по лесу идёт.

Бежит лиса, в зубах ворона несёт. Вынул охотник стрелу, натянул лук, убил лису.

— Спасибо, добрый человек, — говорит ворон. — Я тебе пригожусь.

Каркнул и полетел.

Подходит охотник к столетнему дубу. Прицелился — попал в сердцевину. Повалился дуб. Лежит под ним сабля. Взял её охотник и пошёл прямо к девяти горам.

Летит змей о трёх головах. Шипит, свистит, из ноздрей дым пускает.

— Что делать будем? — спрашивает. — Драться или мириться?

Отвечает меньшой брат:

— Не за тем шёл, чтобы мириться, а за тем, чтобы драться!

Начали биться. Охотник как саблей махнёт — так головы у змея нет. Ещё махнёт — второй головы недостаёт. Все три головы срубил и самого змея на куски изрезал.

Дальше идёт.

Летит второй змей — о шести головах.

— Драться будем или мириться? — шипит.

— Не за тем шёл, чтобы мириться, а за тем, чтобы драться! — отвечает охотник.

Начали биться. Охотник как саблей махнёт — так головы у змея нет. Ещё махнёт — второй головы недостаёт. Бились-бились — все шесть голов он срубил, самого змея на куски изрезал.

Идёт дальше.

Летит третий змей — о девяти головах:

— Драться будем или мириться?

— Не за тем я шёл, чтобы мириться, а за тем, чтобы драться!

Вот змей зашипел, начал на охотника ветер и огонь пускать, а тот — саблей махать. Раз махнёт — головы у змея нет. Ещё махнёт — второй головы недостаёт. Все девять голов срубил и самого змея на куски изрезал.

Огляделся охотник, видит — лежат его братья, все в крови, мёртвые.

Загоревал он.

Вдруг ворон летит, кричит:

— Не горюй, охотник, будут живы твои братья! Видишь в горе нору? Спустись туда, найдёшь три колодца: медный, серебряный и золотой. Набери из них воды и sprysни братьев.

Спустился охотник в нору. Там три колодца: медный, серебряный и золотой. Набрал из них воды, вернулся к братьям.

Водой из медного колодца sprysнул — позакрылись их раны. Из серебряного sprysнул — и рубцов не стало. Из золотого колодца брызнул — ожили братья.

— Ох, — говорят, — как мы долго спали!

— Да, проспали бы вы ещё дольше, — говорит меньшей брат, — кабы не я.

Рассказал им, как было.

Пошли дальше вместе. Прошли девять гор, видят железную дверь, на двери замок.

Начали ломать. Замок крепок, не поддаётся. Что делать?

— Погодите, — говорит старшой брат. — Дала мне змеёва девка кольцо. Не пригодится ли оно?

Взял кольцо, только к замку приложил — замок сам открылся.

Стали братья дверь отворять. А дверь тяжёлая, с места не сдвинуть.

— Погодите! — говорит средний брат. — Остались у меня девкины бусы. Не пригодятся ли они?

Приложил бусы к двери — сама отворилась.

Входят братья в палаты. Всё кругом блестит, глазам больно. Стоят на окнах клетки золотые, в них птицы райские поют песни царские.

Идут братья мимо, замки снимают, двери отворяют.

Прошли восемь комнат. Открывают девятую.

Глядят — комната без окон, тёмная, сырая. Стоит в углу железная клетка. Сидит в той клетке птица прекрасная — перья красные.

Говорит им птица человеческим голосом:

— Пустите меня, охотники, на волю! Полечу я туда, где земля ваша. Будет от меня радость великая всем, кто захочет меня видеть.

Открыли братья клетку, выпустили птицу.

Взмахнула она крыльями и полетела.

Встречали её люди, как дорогого гостя. Пришла на их землю жизнь счастливая.

Я там была, мёд пила. Люди все такие хорошие — меня встречали, привечали, сказки сказывать просили.

ИВАН — МУЖИЦКИЙ СЫН

Завелись у мужика в скирдах крыса и мышь.

Мышь была заботливая, а крыса беззаботная — всё бы ей по скирдам скакать. Только знала, как бы своровать яичко либо писклячка-цыплёнка. А мышь точит и точит зерно, готовит себе муку на весь год.

Вот снегом всё замело, а у крысы поесть нечего. Приходит она к мыши, просит взаймы муки. Дала ей мышь муки.

Весна подошла. У мыши вся мука вывелась. Пошла мышь с крысы долг спрашивать.

Ухватила крыса мышь за хвост, много горя той досталось: избила она мышь впрах.

А мышь бойкая была, подаёт она в суд на крысу прошение.

Судьею орёл был. Собрал он птиц и куниц, медведей и лисиц. Начали судить. Долго они судили-рядили.

Вот вышел орёл, прочитал приговор: поскольку

скирд чужой, оставить прошение мыши без последствий.

Видит мышь, что присудил орёл не в её пользу. Дождалась, когда он заснул, взяла и подгрызла ему крылышки.

Поехал мужик рано утром нарубить леску, истопить печку. Глядь, пораненный орёл лежит. Испугался мужик, поворачивает лошадей обратно.

А орёл говорит:

— Погоди, мужичок, не торопись, назад вернись, возьми-ка меня с собой! Корми-пой, пока не поправлюсь, — я тебя отблагодарю.

Мужик орла с собой захватил, год кормил-поил.

Исправились у орла крылья. Он говорит:

— Полетим теперь ко мне!

Подхватил мужика, и полетели они к орлу.

Мужик в гостях у орла год был. Пил, ел, гулял — как прошёл год, не видал.

Вот собирается он домой. Даёт ему орёл берестяной коробочек.

— Возьми, — говорит. — Только не открывай, пока домой не придёшь.

Шёл-шёл мужик и думает: «Что же это за коробочек такой? Дай-ка я погляжу, что в нём».

Открыл он коробочек. Посыпались оттуда дома да амбары, лавки — полны товара. Никак он не закроет этот коробочек.

Где ни взялся колдун. Говорит:

— Отдай мне то, чего дома не знаешь, а я тебе помогу.

Мужик подумал: «Всё-то я дома знаю. Нечего мне бояться».

Ну, и согласился отдать то, чего дома не знает.

Ударили они по рукам.

Колдун договор написал. Дома, амбары и лавки в коробочек сложил.

Пришёл мужик домой, глядит — жена его сына родила.

Мужик затосковал, весел с тех пор никогда не бывал. Положил договор в сундук, на самое дно, и никому о нём не сказал.

Живут они поживают, сын с матерью ничего не знают. Коробочек открыли, домов, амбаров понастроили. А мужик всё невеселый.

Вот сравнялось сыну Ивану двадцать два года. Полез он как-то раз в сундук и увидел договор.

— Что это? — спрашивает отца.

Мужик ему всё рассказал.

— Эх, батя, — говорит Иван, — давно бы надо было мне сказать! Ну, не гневайся. Пойду твой долг платить.

Простился с родителями и пошёл.

Шёл-шёл, зашёл в лес дремучий. Там стоит дом преогучий. Вокруг дома забор. А на заборе том человеческие головы насажены.

Является Иван к колдуну.

Колдун говорит:

— Давно, давно пора, Иван — мужицкий сын, отцов долг заплатить — мне послужить. Ступай на кухню отдыхать. А завтра на работу.

Пошёл Иван на кухню.

А у колдуна в кухарках красавица девица была. И Иван собой красавец. Полюбились они друг другу.

Рассказал Иван, откуда он и зачем пришёл.

Красавица девица говорит:

— Плохие твои дела, Иван — мужицкий сын! Хочет тебя хозяин погубить — жизни лишить. Видишь посреди двора колоду? Велит он тебе завтра её поколоть, порубить, в поленницу дрова сложить.

— То для меня дело пустое! — отвечает Иван. — Силой отец с матерью не обидели.

— Не хвались раньше времени, Иван — мужицкий сын! Колода та не простая. Тут не сила, а сноровка нужна. Деревья, что вокруг колоды стоят, такими, как ты, молодцами были. Станешь завтра колоду

рубить, увидишь на комле маленький сучочек. Бей по тому сучку топором. Промахнёшься — на себя пеняй!

Вот велит на другой день колдун Ивану колоду поколоть, порубить, в поленницу дрова сложить.

Берёт Иван в руки топор. Размахнулся во всё плечо и ударил по колоде.

Колода как лежала, так и лежит. А сам он в землю будто корнями врос.

Размахнулся Иван по второму разу. Сильней прежнего ударил.

Колода как лежала, так и лежит. А сам он по пояс дубовой корой оделся.

Тут испугался Иван. Вспомнил, что кухарка ему говорила. Приметил на комле маленький сучочек. Нацелился в него, попал топором.

Загремела колода, на поленья развалилась. Поленья сами в поленницу посложились.

Спали с Ивана чары.

Приходит он к колдуну, докладывает: выполнил приказ.

Вышел колдун во двор. Посмотрел — правда. Злоба его взяла, однако вида не показывает.

— Ну что же, — говорит, — спасибо за службу, Иван — мужицкий сын. Ступай на кухню отдыхать. Завтра будешь мне неезженного коня объезжать.

Приходит Иван на кухню, смеётся.

— Это, — говорит, — для меня дело пустое — коня объезжать!

— Не хвались, Иван, раньше времени, — говорит кухарка. — Хочет тебя хозяин погубить, жизни лишит. Конь-то не простой будет. Дам я тебе железный прут весом в три пуда. Когда станет конь подниматься кверху, бей ты его тем прутом между ушей, сколько сил у тебя хватит.

Вот наутро подвели Ивану неезженного жеребца. Это сам колдун конём обернулся. Сел Иван верхом.

Поднялся конь выше лесов, чуть пониже облаков, хочет Ивана на землю сбросить. А Иван к нему крепче прижимается, ногами бока давит, железным прутom между ушей бьёт.

Бил до тех пор, пока конь на землю не опустился.

Привязал Иван коня у крыльца. Приходит к колдуну. А тот уже обернулся человеком, лежит на постели, охает:

— Послужил ты мне хорошо и на этот раз, Иван — мужицкий сын. Ну, исполни ещё мой приказ: искупайся завтра утром в моей бане.

Приходит Иван на кухню, рассказывает кухарке, смеётся.

— Разве это работа, — говорит, — в бане искупаться?

Та отвечает:

— Плохо тебе завтра будет, Иван — мужицкий сын! Хочет хозяин тебя живьём изжарить, кожу содрать, голову на забор насадить. Ну, ложись спать, утро вечера мудренее.

Испекла она ночью пышку-говорушку. Посадила в баню. А сама с Иваном — бежать.

Приказывает колдун наутро слугам баню топить, докрасна раскалить.

Подходит, спрашивает:

— Как, Иван — мужицкий сын, хороша баня?

А пышка-говорушка Ивановым голосом отвечает:

Баня не скоблена,
Три года не топлена,
Зуб на зуб не попадает.

Рассердился колдун на слуг, что плохо баню топят. Велел ещё дров подложить.

Приходит снова, спрашивает:

— Как, Иван — мужицкий сын, хороша моя баня?

А пышка-говорушка отвечает:

Баня не скоблена,
Три года не топлена,
Зуб на зуб не попадает.

Взялся колдун сам баню топить. Все дрова пожѣг.
Спрашивает:

— Как, Иван — мужицкий сын, хороша теперь баня?

Пышка-говорушка отвечает:

Баня не скоблена,
Три года не топлена,
Зуб на зуб не попадает.

Открыл колдун дверь, а там пышка-говорушка.
Хватился — и кухарки нет.

Снаряжает колдун погоню.

Слышит красавица девица, что погоня близко.
Обернулась она свиньѣй, а Ивана пастухом сделала.

Подбегает погоня:

— Тут Иван — мужицкий сын не проходил?

Пастух отвечает:

— Нет, никого не было.

Вернулась погоня ни с чем. Колдун спрашивает:

— Никого не видали?

— Нет, никого. Только пастуха со свиньѣй по-
встречали.

— Это они самые и были!

Посылает снова погоню.

Слышит красавица девица, что нагоняют. Сделала она Ивана конѣм, а сама обернулась репѣм.

Возвращается погоня ни с чем.

Колдун спрашивает:

— Что ж, никого не видали?

— Нет, никого. Только ходит конь, а на хвосте у
него репей.

— Ах, это они опять были!

Побежал колдун сам. Бежит — земля дрожит.

Слышит красавица девица — нагоняют.

Обернулась она морем, а Ивана селезнем сделала.

Стал колдун воду пить, чтобы море осушить. А селезень крикает:

— Чтоб ты лопнул! Чтоб ты лопнул!

Так оно и случилось: лопнул колдун и издох.

Прибежал Иван — мужицкий сын со своей невестой домой, к отцу-матери. Свадьбу сыграли. Стали они жить-поживать.

Всё у них хорошо. Письма мне пишут, только я что-то тех писем не получаю.

МАРЬЯ-ЦАРЕВНА ЛЯГУШОНКА

У царя Микидона было три сына — и все неженатые. Вот пришли они к отцу, просят:

— Батюшка, жени нас!

— Нет, дети. Вы уже взрослые, ищите себе невест сами. Найдёте — я тогда бал соберу, гостей созову, свадьбу сыграем.

Думали-думали царские сыновья, где невест искать, да и придумали: пускай каждый возьмёт лук и пустит стрелу. Куда чья стрела упадёт, там тому невесту брать.

Вот старшой брат натянул свой лук и пустил стрелу. Упала стрела в царский двор.

Натягивает лук средний брат, выпускает стрелу. Упала его стрела в княжеский двор.

Заряжает свой лук меньшой брат, Иван-царевич. Пустил стрелу, и упала она прямо в речку.

Сел Иван-царевич на берегу и загоревал. Где ему теперь невесту искать? Сидит плачет.

А на речке волнение сделалось. Раздвоились волны, плывёт лягушонка, несёт в зубах его стрелу.

— Квак-квак! — говорит. — Что вы, Иван-царевич, тут плачете?

— Как же мне не плакать! Все мои братья невест нашли, а мне невесты нет...

— Ну так что же! Буду я вашей невестой.

Хоть и не понравилось это Ивану-царевичу, да против слова своего не пойдёшь.

Приходит к отцу, объявляет, что есть у него невеста. Совестно ему сказать, что невеста — лягушонка. Ну, всё же сказал.

Братья хохотать принялись. Подняли Ивана-царевича на смех.

Отец говорит:

— Полно вам потешаться, пора за дело браться.

Приказал царь Микидон своим сыновьям принести к завтрашнему дню от своих невест по утирке.

Приходит Иван-царевич на берег и слёзно плачет. Раздвоились на речке волны, плывёт его лягушонка:

— Квак-квак! Что, Иван-царевич, плачешь?

— Как же мне не плакать! Мой батюшка приказал от тебя в подарок утирку ему принести. Где я её возьму?

— Ложись спать, Иван-царевич. Утро мудренее вечера.

Глядит Иван-царевич — на берегу палатка прекрасная стоит. Лёг он спать в этой палатке.

Обернулась лягушонка красавицей Марьей-царицой. Махнула рукавом:

— Собирайтесь, мамки-няньки, ткать утирку такую, какой мой батюшка утирался!

Собрались мамки-няньки. Соткали ей утирку ещё лучше той, что батюшка утирался, — вся морозными цветами разукрашена.

Наутро поднимается Иван-царевич. Подаёт ему лягушонка утирку. Несёт он утирку своему отцу.

Хороша утирка у старшего сына. У среднего — ещё лучше. Смеются братья над Иваном-царевичем:

— А ты что от своей лягушонки принёс?

Подаёт Иван-царевич отцу утирку — и описать нельзя: красивей всех и лучше всех!

На другой день сказывает-приказывает им царь Микидон, чтобы принесли по скатерти от своих невест.

Пришёл Иван-царевич на берег, заливается слезами.

Раздвоились на речке волны, плывёт лягушонка:

— Квак-квак! Иван-царевич, что плачешь?

— Как же мне не плакать! Батюшка приказал принести от тебя ему в подарок скатерть, а где я её возьму?

— Ложись, Иван-царевич, спать. Утро мудренее вечера.

Лёг он спать.

Обернулась лягушонка прекрасной Марьей-царевной. Махнула рукавом:

— Мамки-няньки! Собирайтесь ткать скатерть в точности такую, как у моего батюшки на столе.

Выткали мамки-няньки дивную скатерть: по краям узоры — лесами, посредине — морями. Над морями месяц и звёздочки светят. По морям корабли плывут.

Наутро встал Иван-царевич. Подаёт ему лягушонка скатерть. Взял он скатерть под мышку и пошёл во дворец.

Собрались братья.

Стал старшой отцу скатерть показывать. Красива скатерть, хороша! Подал средний сын — ещё лучше.

Смеются братья над Иваном-царевичем:

— А ты что от своей лягушонки принёс?

Подаёт Иван-царевич отцу скатерть. Какая же красота на ней выткана: и моря, и леса, и звёздочки, и месяц, и корабли! Невозможно такого выдумать, не-

возможно сказать! Не видал отроду царь таких ска-
тертей.

Призывает снова царь Микидон своих сыновей. Сказывает-приказывает, чтоб испекли их невесты по пирогу.

Иван-царевич пришёл на берег, горькими слезами заливается.

Раздвоилась волна на речке, плывёт лягушонка:

— Квак-квак! Что плачешь, Иван-царевич?

— Мой батюшка приказал принести ему от тебя пирог в подарок. Где я его возьму?

— Ложись, Иван-царевич, спать. Утро мудренее вечера.

Лёг он спать.

Обернулась лягушонка прекрасной Марьей-царев-
ной. Махнула рукавом:

— Собирайтесь, мамки-няньки! Пеките мне пирог, какой мой батюшка на именины едал.

Испекли мамки-няньки пирог. До того пирог воз-
душен, что и сказать нельзя. Алыми сахарными цвета-
ми весь разукрашен.

Просыпается наутро Иван-царевич. Подаёт ему ля-
гушонка пирог. Несёт он его отцу в гостинец.

Подаёт старшой брат отцу пирог. Хорош пирог,
вкусен. Средний брат подаёт — того лучше. Смеются
братья над Иваном-царевичем:

— А ты от своей лягушонки, должно, не принёс и
корки?

Вынимает Иван-царевич из салфетки пирог. Во
всём свете таких пирогов ещё не было.

Говорит царь Микидон:

— Надо теперь собрать бал, ваших жён посмот-
реть.

Призадумался Иван-царевич, пошёл на берег. Си-
дит горюет.

Раздвоилась волна на речке, плывёт лягушонка:

— Квак-квак, Иван-царевич! Что ты слёзно пла-
чешь?

— Как же мне не плакать! Батюшка приказал нам завтрашний день с жёнами приезжать на бал. А с кем я приеду? Кого я покажу?

— Ложись, Иван-царевич, спать. Утро мудренее вечера.

Наутро говорит ему лягушонка:

— Ступай во дворец. Будут тебя спрашивать: «Где твоя невеста-лягушонка?» — ты отвечай: «Скоро придет».

Старшой брат приехал с царской дочерью, средний — с княжеской. Разукрашены невесты, разодеты. Их слуги встречают, раздевают, разувают, на стулья сажают.

А Иван-царевич приходит один.

Братья его на смех подняли:

— Ты, — говорят, — свою лягушонку хоть бы в коробочке показать принёс.

Вот поднялся вихрь, пыль столбом, конский топот. У коней из-под копыт огонь брызжет, из ноздрей дым валит. Карета вся в золоте. Сама невеста в шелка наряжена, драгоценными камнями убрана. Такая красота, такая чистота — невозможно на неё глянуть.

Иван-царевич говорит:

— Это, кажись, моя лягушонка в коробочке едет.

Подъезжает карета к царскому дворцу.

Подскакивает Иван-царевич, высаживает Марью-царевну, берёт её под ручку. Во дворец ведёт. За ней сенные девки от платья хвост в три аршина несут.

Подходит Иван-царевич со своей невестой к отцу. Царь сроду такой красоты не видел.

Пошёл у них пир на весь мир.

Марья-царевна вина не допьёт — в правый рукав льёт. Снохи, на неё глядя, и себе то же делают: что не допьют, то в рукава льют.

Марья-царевна жаркое не доедает — в левый рукав бросает. Снохи и себе то же — все кости в рукава пособирали.

Кончился пир, пошли у них танцы.

Вышла Марья-царевна танцевать.

Махнула правым рукавом — разлилось синее море. Махнула левым рукавом — поплыли по морю гуси-лебеди, полетели, запели разные птички. Залюбовались, заслушались гости.

Иван-царевич на Марью-царевну не нарадуется.

Пошла бóльшая сноха плясать-танцевать. Махнула правым рукавом — всего царя вином залила, махнула другим рукавом — костью ему глаз подбила.

Средняя сноха за ней поспешила — в ухо свёкру мослом¹ угодила.

Рассердился царь, прогнал их. На Марью-царевну глядит — не наглядится, слушает её — не наслушается, хвалит — не нахвалится.

А Иван-царевич к речке скорей побежал. Взял лягушачью кожу, что Марья-царевна скинула, и сжѐг.

Вот приехала она. Глянула — руками всплеснула.

— Ах, Иван-царевич, — говорит, — что вы наделали! Вы бы немного повременили — я бы вашей женой была.

Загремело, зашумело. Налетел Кошей бессмертный, унёс Марью-царевну.

Заплакал Иван-царевич и пошёл Марью-царевну искать.

Идѐт невесел, головушку повесил.

Навстречу ему старый старичок:

— Что плачешь, Иван-царевич?

— Кошей бессмертный унёс у меня невесту.

— Я тебе помогу, — говорит старичок. — Дам тебе клубочек, держи его за кончик. Куда клубочек покажется, туда и ты иди. Увидишь дубочек. Под этим дубочком зарыт сундучочек. Откопай сундучочек — там будет заяц. В зайце — утка. В утке — яйцо. А в яйце — Кошей бессмертного смерть. Возьми то яйцо и ступай за Марьей-царевной.

Клубочек катится, Иван-царевич следом идѐт.

¹ Мосóл — большая кость.

Подходит к лесу. Глядит — два беса дерутся, клоками шерсть летит.

Иван-царевич спрашивает:

— Что это вы дерётесь?

— Да вот добычу никак не поделим.

— Какая же ваша добыча?

— Дубинка-самобивка и шапка-невидимка.

— Давайте я вам их поделю.

Те согласны.

Иван-царевич говорит:

— Кто быстрее вокруг леса обежит, тот всё и получит.

Пустились бесы наперегонки бежать, а Иван-царевич подхватил дубинку-самобивку, шапку-невидимку и дальше пошёл.

Вот бежит лиса. Натянул Иван-царевич лук, наметился лису бить.

Лиса ему говорит:

— Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе пригожусь. Не стал он бить лису. Идёт дальше.

Летит сокол. Натянул Иван-царевич лук, наметился сокола бить.

Сокол говорит:

— Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе пригожусь. Не стал он сокола бить.

А клубочек всё катится. Прикатился клубочек под дубочек, под этим дубочком стоит сундучочек.

Откопал Иван-царевич сундучочек. Выскочил оттуда заяц и бежать.

Откуда ни возьмись — лиса. Поймала зайца, приносит Ивану-царевичу.

— Долг платежом красен, — говорит.

Разорвал Иван-царевич зайца. Вылетела из зайца утка, в небо взвилась.

Упал на неё камнем сокол. На землю сбил, Ивану-царевичу принёс:

— Получай, — говорит, — мой выкуп.

Разорвал Иван-царевич утку — в ней яйцо, а в том

яйце Кошечья бессмертного смерть. Положил яйцо в карман и за Марьей-царевной пошёл.

Подходит Иван-царевич к Кощееву дворцу. Стоят там на страже львы да тигры, рёвом ревут, проходу Иван-царевичу не дают.

Надел он шапку-невидимку, пустил дубинку-самобивку. Шапка-невидимка его в дом проводила, дубинка-самобивка зверей покрушила.

Входит Иван-царевич в Кощеев дом. Сидит Марья-царевна в светлице, льётся из глаз ручьём водица. Ивана-царевича увидала — без памяти стала.

Учуял Кошей бессмертный человеческий дух.

— Это кто же пришёл? — кричит.

Набросился на Ивана-царевича, чуть-чуть не разорвал.

Иван-царевич яйцо раздавил, Кощееву душу загубил. Марью-царевну за руку брал, в правую щёку целовал.

Привёз её домой.

Устроил царь Микидон пир на весь мир, Ивана-царевича с Марьей-царевной поженил.

Я на свадьбе была, танцевала, чуть ногу не сломала. Много было дела — вот и не доглядела. Пила мёд да пиво, оно меня с ног сбило.

ИВАН-ДУРАЧОК И МАРЬЯ-КОРОЛЕВНА

Была у царя дочка Марья-королевна, умница-разумница. Поглядит на человека — всё видит: что на языке принёс и что на сердце держит.

Всё ж таки надо царю дочку замуж выдавать. Объявил он ей свою волю.

— Хорошо, батюшка, — говорит Марья-королевна. — Только у меня свой обычай: тот меня замуж возьмёт, кто со мной сумеет поговорить.

Так и оповестила всех — и богатых и бедных. .

Велела истопить пожарче печку. По-домашнему сидит, рукодельничает.

Женихи съезжаются разодеты: в золоте да бархате, — всякие князья и королевичи. Кто в комнату ни войдёт, до того натоплено — не может с Марьей-королевой разговаривать.

Только и скажет:

— Здравствуй. Что это у тебя жарко?

А Марья-королевна в ответ:

— Это мой батюшка петухов жарил.

Тому и нечего сказать.

А на деревне жили три брата — два умных, третий Иван-дурачок. Прослышали братья, что царь замуж дочь выдаёт, и собираются себе идти свататься.

— Братья, возьмите меня с собой, — говорит Иван.

Те смеются:

— Куда тебе! Ступай, дурак, навоз возить.

Пришли во дворец:

— Здравствуй, Марья-королевна. Что у тебя так жарко?

— Это мой батюшка петухов жарил.

Те стоят, не знают, что сказать. Разве петухов жарить — царское дело?

Посмеялась Марья-королевна и дала им от ворот поворот.

Приходят домой братья — рассказывают, Марью-королевну бранят.

Иван-дурачок говорит:

— То-то, братья, меня с вами не было.

Обратал он козла, сел на него верхом, на голову лопух надел и поехал к царю во дворец.

Едет-едет — лежит мёртвая ворона. Он её поднял, за пазуху спрятал.

Дальше едет. Лежит на дороге от лаптя ошмёток. Он и его прибрал.

Возле моста люди колёсами жёлтую грязь разместили. Он этой грязи в карман положил.

Въезжает на козле прямо во дворец.

— Здравствуй, — говорит, — красавица. Вот он я! Что это у тебя за чёртова жарница?

Марья-королевна отвечает:

— Батюшка петухов жарил.

— Нельзя ли и мне тут пожарить?

— А где твой кочет?

Выхватил он из-за пазухи ворону.

— Вот мой кочет, — говорит.

Марья-королевна глазом не сморгнула:

— Пожарить бы можно, да вот кастрюльки нет.

Вытаскивает Иван-дурачок лапоть:

— Вот тебе и кастрюлька.

— Это всё бы ничего, да нет подливки.

Достаёт Иван-дурачок из кармана жёлтую грязь:

— Вот тебе и подливка. Мало будет, ещё принесу.

Улыбнулась тут Марья-королевна и велела своего батюшку-царя звать. Видит, вовсе не так Иван-дурачок прост, как люди считают: не она над ним, а он над ней посмеялся.

Полюбились они друг другу и, вот тебе, поженились.

Я у них на свадьбе была, мёд пила, по губам текло, да в рот не попало. Спать положили на дубовой перине. Спала я на ней, спала — все бока содрала. Насилу домой добрела.

Хорошо погуляла — почаше бы так.

КАК БАРИН СОБАКОЙ БРЕХАЛ

В старые времена были крепостные у барина. Барин очень злой был. Что ни так, что ни этак, всё не по нему — житья не даёт никому. Порол мужиков, ругался, над всеми измывался. Одним словом, сердитый барин.

Раз пришёл на подворье мужичок по барскому приказу. А у барина собака была, да такая злая, что под стать своему хозяину. Стала собака на мужика брехать, за ногу его хватать. Рассердился мужичок, взял палку и ударил по носу собаку. Та сразу околела.

Барин до того рассвирепел, что и сказать нельзя. Берёт мужичка и ведёт на суд.

Известно, подьячий¹ любит калач горячий. Барин в суд ногой, а в карман рукой.

Выслушали судьи барский гнев и спрашивают:

— Что тебе любо над мужичком сделать?

— Желаю я, — говорит барин, — чтобы он у меня вместо собаки был, добро моё стерёг и по-собачьи брехал.

Судьи так и присудили: быть мужику барской собакой, словами впредь не говорить, а только по-собачьи брехать.

Мужику приказа послушаться нельзя. Стал он вроде собаки брехать, добро барское охранять.

Год на барском подворье брешет, два брешет. Жена с дочкой дома не евши сидят. Барину до этого дела нет.

Надумал мужичок подговорить соседей барскую кладовую взломать, барина наказать.

— Я, — говорит, — буду погромче брехать, а вы — замки снимать.

Ладно. Сказано — сделано. Приехали ночью мужики, стали замки ломать, барское добро выносить, а мужичок — под окнами у барина брехать да выть. Будто из всех сил барский приказ выполняет. Побрешет, побрешет, да ещё и повоет.

Доволен барин.

— Бреши громче! — приказывает.

Ну, тот и брешет, и брешет...

Встал наутро барин, а его обворовали. Ещё пуще освиrepел. Стал всех бранить да колотить. Мужичку больше всех досталось.

Повёл его барин опять на суд.

А судьи прослышали, что барина обокрали. Нечего от него теперь поживы ждать: когда карман сух, то и судья глух.

Спрашивают судьи:

¹ Подьячий — в старину всё управление делами государства распределялось между приказами. Служащие в приказах назывались дьяками и подьячими.

— А что, когда воровали, брехал мужичок или нет?

— Не только брехал, — говорит барин, — даже выл. У меня строго: раз приставлен брехать, так бреши!

Судьи говорят:

— Для того и собаку держат, чтобы она брехала. Стало быть, мужичок в точности исполняет, что мы ему тогда присудили. Собака как есть настоящая — и брешет и воет. А уж дело хозяина, когда собака брешет, выйти да посмотреть. Собака не виновата.

«Ну, — думает барин, — неверно они на этот раз присудили. Поеду в столицу — там судьи очень строги, пускай они присудят».

Вот поехал барин с мужичком в столицу. А ехать долго, да всё лесом.

Ехали-ехали. Смерклось. Ночь настала.

Пригнулся мужичок, посмотрел вперёд и говорит:

— Барин, а барин! Кажись, медведь навстречу идёт.

Испугался барин.

— Что же нам, — говорит, — делать?

Мужичок отвечает:

— Слышал я, что медведи собачьего лая дюже боятся.

— Бреши, мужичок! — приказывает барин. — Бреши, да погромче!

— Нет, барин, я под судом, мне брехать теперь никак нельзя.

Опять пригнулся мужичок и говорит:

— Барин, а барин! Он ближе подходит, вот-вот до нас доберётся.

Барин ещё пуще перепугался:

— Выручай, мужичок! Научи, что делать.

— Не миновать тебе, барин, собакой брехать.

«Ладно, — думает барин, — была не была. Побрешу, авось жив останусь».

Встал он на четвереньки и начал собакой брехать.

— Да ты, барин, — говорит мужичок, — пуще бреш. Нешто так медведя проймёшь!

Барин брешет, изо всех сил старается.

— Пуще, пуще, барин, бреш! Побреши, побреши да повой!

И брешет барин, и воет, а сам думает: «Лишь бы живым остаться». Краснеть начал от натуги, глаза навывкат пошли, пена изо рта. Из последних сил выбивается, а всё брешет.

Вот подъезжают они, а это поперёк дороги сосна. Мужичок и говорит:

— Барин, ошиблись мы с тобой: это сосна, а не медведь. Так что ты зря брехал-то.

Тут барин в себя пришёл. Страсть как ему стыдно стало. Не поехал на суд, назад повернул.

— Я тебя прошу, — говорит мужичку, — только ты никому не сказывай, как я собакой брехал. А то засмеют.

— Нет, — говорит мужичок. — Этого, барин, мало.

— Я тебя хлебом награжу, помещьем наделю!

— И этого, барин, мало.

Не сладились они. Барин серчает, а мужичок на воле гуляет. Всем рассказывает, как барин собакой брехал.

Барин из своего поместья убежал. А мужички вольными стали. Живут-поживают, добра наживают.

Басенка вся, а мне рюмочку винца.

ГЛУПАЯ БАРЫНЯ

Жила-была барыня, глупая-преглупая. Что ни забьёт себе в голову — умри, а исполни.

Вот задумала барыня вывести сорок цыплят, и чтобы все были чёрненькие.

Горничная говорит:

— Да разве это, барыня, возможно?

— Хоть и невозможно, а хочется, — отвечает барыня.

Зовёт она своего кучера и приказывает:

— Садись в лукошко, выводи сорок цыплят, да чтоб были они все чёрненькие.

— Помилуй, барыня! — говорит кучер. — Где же это видано человека наседкой сажать?

Барыня и слушать не хочет.

— Тебе, — говорит, — привычно на козлах сидеть, посидишь и в лукошке.

«Вот проклятые господа, — думает кучер. — Всю шею нам объели, хоть бы все околели».

— Что ж, — говорит, — воля ваша. Только дай мне, барыня, то, что попрошу. А нужно мне чаю, сахару, харчей побольше, тулуп, валенки и шапку.

Барыня на всё согласна.

Отвели кучера в баню. Дали ему всё, что просил.

Посадил он наседкой курицу. Стали к нему друзья ходить, он их чаем поить. Сидит с ними, чаёк попивает, барыню дурой обзывает.

Ни мало, ни много времени прошло, вывела наседка цыплят, из них три чёрненьких.

Берёт кучер чёрненьких пiskuнов в лукошко, идёт к барскому окошку:

— Вот, барыня, трёх уже высидел. Получай да харчей прибавляй. Сама видишь, тяжело мне их высиживать.

Барыня обрадовалась, харчей прибавила, кучера досиживать заставила.

Каждый день слуг шлёт узнать, сколько ещё чёрненьких наклюнулось.

Видит кучер — дело плохое. Говорит своим друзьям:

— Вы, ребята, зажигайте баню да меня держите. Буду я рваться, в огонь кидаться, а вы не пускайте.

Ладно, так и сделали. Баню подожгли. И барыне доложили:

— Загорелась, мол, баня по неизвестной причине.

Вышла барыня на крыльцо и видит: горит баня, пыляет, а кучер убивается, в огонь кидается. Слуги его держат, не пускают, а он одно:

— Клу-клу!.. Клу-клу!.. Клу-клу!..

Слуги говорят:

— Ой, барыня, смотри, как он сокрушается, как его материнское сердце разрывается.

А барыня кричит:

— Держите его, покрепче держите! Цыпят теперь не спасёшь — так его бы удержать, очень хороша насадка!

Вот не успели пожар потушить, приказывает барыня кучеру опять цыпят выводить.

А он, не будь глуп, взял валенки да тулуп, только его и видели.

КАК СОЛДАТ ИЗ БОРОННОГО ЗУБА КУЛЕШ ВАРИЛ

Жила-была старуха, богатая, жадная да глупая.

Вот шёл солдат со службы. Видит — сажает старуха поросёнка на насест. Он думает: «Сколько я прошёл, а такой глупости не видал».

Солдат голодный был. Заходит во двор и говорит:

— Бабушка, можно водицы испить?

— Пей, батюшка, вода в колодце не купленная.

— А нет ли у тебя, бабушка, щец?

— Щи-то, батюшка, есть, — говорит старуха, — да не про твою честь. Знаешь, нынче как всё дорого!

— Э, бабушка, дорогá голова на плечах, а это наживное. А нет ли у тебя бороны?

— Да есть борона.

— Так принеси-ка мне боронный зуб сюда.

— А что же ты с ним будешь делать?

— Кулеш, бабушка, варить буду. Ты небось ещё не знаешь, какой вкусный из него кулеш бывает.

Отроду старуха такого не слыхала. Подала ему боронный зуб. Сама глядит, что он с ним делать будет.

Солдат боронный зуб взял, мыл его, мыл, скоблил, скоблил, в котелок положил и на огонь поставил.

Стала вода закипать. Зачерпнул её солдат ложкой, попробовал немножко.

— Эх, — говорит, — кабы ещё посолить малость!

Старухе любопытно, что за кулеш из боронного зуба будет. Дала солдату соли.

Посолил солдат воду, попробовал и говорит:

— Кабы в него добавить пшеница, ещё вкуснее был бы.

Принесла ему старуха пшена.

Опять пробует солдат кулеш.

— Хорош, — говорит. — А кабы в него ветчинки положить, тогда хоть самому генералу подавай.

Жалко старухе ветчину солдату давать, однако уж очень хочется генеральского кулеша из боронного зуба отведать. Принесла ветчинки.

Попробовал солдат напоследок кулеш и говорит:

— Ну, можно бы и кушать, бабушка. А если хочешь знать, какой кулеш сам царь ест, то надо ещё ложечку коровьего маслица.

Делать нечего, принесла старуха маслица.

Посадил солдат старуху с собой кушать кулеш.

Ветчинку-то взял, остудил да в котомку положил — в дороге пригодится.

А кулеш ели, ели — не доели.

Ушёл солдат.

Приезжает старик с поля.

Старуха говорит:

— У меня солдатик был, с боронным зубом кулеш варил.

Попробовал старик.

— А ведь кулеш-то вкусный!

Он под стать старухе — жадный был. Обрадо-

вался, значит, что можно кулеш из боронного зуба варить.

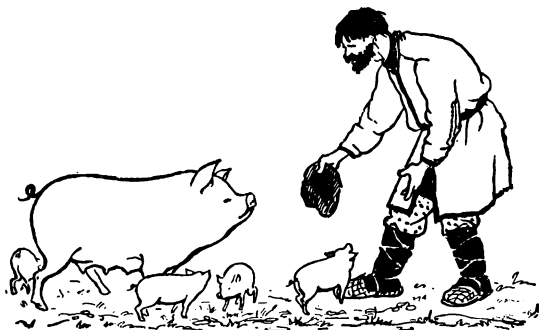
Вот они в воду боронный зуб опустили. Варили варили, да толку мало.

— Эх, старуха, — говорит старик, — никуда наше дело не годится! Нажил я плешь, а не научился варить по-солдатски кулеш.

Так и легли спать голодные.

А наутро опять взялись кулеш из боронного зуба варить. До сих пор варят.

КАК МУЖИК СВИНЬЮ В КУМЫ ЗВАЛ

Жил-был бедный мужичок. Жена у него родила, а в кумы никто не идёт.

Пошёл он в чужое село искать куму. Всё село обошёл, никого не нашёл — никто в кумы идти не хочет.

Глядит он, а на лугу барская свинья с поросятами ходит.

Подошёл к ней мужичок, шапку снял и кланяется:

— Матушка свинка, не пойдёшь ли ко мне в кумы?

А барин с барыней на крыльце сидят, чай пьют.

Барин и говорит:

— Что это мужичок нашей свинье честь отдаёт?

Посылает слугу узнать.

Приходит тот:

— Ты что, мужичок, кланяешься?

— Да вот зову баринову свинку в кумы. Пускай со всеми детками приходит.

Докладывает слуга барину:

— Мужичок свињю вашей милости в кумы зовёт. Обрадовалась барыня.

— Вот, — говорит, — какой нам от мужичков почёт.

Барин отвечает:

— Ну что ж, мать, отпусти её на крестины погулять.

Велит барыня позвать мужичка.

— Как же, — говорит, — наша свинка с тобой пешком пойдёт? Ведь уморится она с детками дорогой.

Мужичок в ответ:

— Да не мешало бы, ваша милость, лошадь запрячь, свинку-кumu в гости ко мне доставить. А как отгуляем крестины, я её с детками обратно привезу.

Вот велит барыня лошадь запрячь, свинку на телегу посадить, поросят в кошёлку положить, колокольцы к дуге подвесить, чтобы все видели — барская свињя к мужику на крестины едет.

Приезжает мужичок домой. Жена рада:

— Вот счастье нам какое! На лошади приехал и свињю привёз.

Мужичок поросят распродав, а свињю зарезал. Кума и куму пригласил, свининкой угостил. Устроил пир на весь мир.

Пили, ели, плясали, свињю поминали, барыню душой называли.

Барин с барыней на крыльце сидят, свињю из гостей ждут.

Не едет свињя.

Посылает барин кучера:

— Скажи нашей свинке, что домой пора: погуляла на крестинах, надо и честь знать.

А барыня ещё наказывает:

— Ты ей до телеги дойти помоги, сесть пособи. А то она с похмелья небось спотыкается, сама с крыльца не сойдёт — упадёт.

Приехал кучер к мужичку, а тот ему говорит:

— Беда с её милостью — барской свинкой приклю-

чилась. Опилась вином и долго жить приказала. Мы её похоронили, а детки-сиротки по чужим людям разбежались. Лошадь следом ушла.

Вернулся кучер, докладывает:

— Батюшка барин и матушка барыня! Наша матушка свинья вином опилась и померла. Детки-сиротки разбежались. А лошадь следом ушла.

Рассердился барин на барыню.

— Это ты, — говорит, — виновата. Разве можно барской свинье мужицкое вино пить! У неё здоровье деликатное. Во вред ей мужицкая пища. Оттого и померла.

Взял барыню за косы и давай трепать, чтобы в другой раз умнее была.

